

Болдырева Е. М.

ФОРМИРОВАНИЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ И. А. БУНИНА В МЕМОРИАЛЬНОМ АВАНТЕКСТЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/17.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 54-56. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ФОРМИРОВАНИЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ И. А. БУНИНА
В МЕМОРИАЛЬНОМ АВАНТЕКСТЕ

Болдырева Е. М.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

«Я знаю, что мне столько-то лет. Но ведь мне сказали это, то, что я родился в таком-то году, в такой-то день и час: иначе я не знал бы не только дня своего рождения, а следовательно, и счета моих лет, но даже и того, что я существую по причине рождения» [Бунин 1988: 437]; «Моя память так бессильна, что я почти ничего не помню не только о своем младенчестве, но даже о детстве, отрочестве. А ведь существовал же я! И не только существовал, - думал, чувствовал, и так полно, так жадно, как никогда потом. Где же все это?» [Бунин 1987: 273]. На первый взгляд эти цитаты могут показаться заимствованными из романа «Жизнь Арсеньева», однако первая взята из рассказа «Ночь», а вторая - из рассказа «У истока дней». Сходство рассматриваемых проблем (память, собственное прошлое, осознание условности классической автобиографической логики) и стилистическая близость, несомненно, свидетельствует о типологическом сходстве предшествующего «Жизни Арсеньеву» бунинского творчества с его автобиографическим романом. Мы предлагаем осмыслить эту взаимосвязь именно в аспекте генезиса автобиографической поэтики. Предлагаемая нами автобиографическая реинтерпретация творчества Бунина сквозь призму «Жизни Арсеньева» основана на «перечитывании» «доарсеньевских» произведений как «генетического досье» романа, где формируется модель бунинского автобиографического авантекста. Все предшествующее «Жизни Арсеньева» творчество Бунина может рассматриваться как «рукопись», «генетическое досье», в котором формируется авторская концепция памяти и принципы автобиографического письма. Не ставя задачей подробное и всестороннее рассмотрение эволюции творчества Бунина, охарактеризуем основные этапы становления его автобиографического метатекста, особое значение в котором приобретают точки *мемориальной концептуализации*, то есть синтеза ключевых автобиографем в рамках мемориальной парадигмы и формулирования важнейших принципов автобиографического дискурса Бунина в важнейших *автобиографических претекстах* («Антоновские яблоки» (1900), «У истока дней» (1906), «Суходол» (1911), «Сны Чанга» (1916) и «Ночь» (1925)). Каждый из них выполняет определенную функцию, «отрабатывает» (чтобы потом отбросить) определенную мнемоническую технологию и подготавливает таким образом тот «элизий памяти», который потом в своей незыблемой органической целостности предстанет в «Жизни Арсеньева». Именно там Бунин опробует различные модели повествования, мнемонические формулы («я вспоминаю», «я вижу», «вспоминается мне», «мне запомнилось» и, наконец, «помню»), мемориальные идентификации (вспоминание - отражение, вспоминание - сон, вспоминание - творчество, вспоминание - архив, вспоминание - письмо и т.д.), субъектов мнемонической деятельности, модели соотношения Ното тетог с реальностью, конфигурации автобиографем и авторефлексивные технологии как попытки проникнуть в тайны памяти, постигнуть ее законы, установить соотношение реальности вспоминания и сознания. Автобиографический комплекс начинает формироваться в лирике Бунина в 1888 - 1906 гг. в виде «точечных» *автобиографем-деталей*, становящихся опознавательными знаками бунинской лирики и образующих ее устойчивую формулу. Оговоримся, что под автобиографемой мы понимаем структурно-семантический компонент автобиографического текста, устойчивый, репродуцирующийся во множестве текстов автора элемент, манифестирующий одну из важнейших составляющих и «состава души», автобиографического духовного комплекса, и художественного мира писателя.

Сначала в поэтическом творчестве Бунина образуется первичный автобиографический авантекст, представляющий собой дискретный комплекс значимых для писателя мотивов и образов, не приобретших еще статус символа, а возникающих как эмоциональные и вкусовые предпочтения лирического субъекта: блеск, ночное звездное небо - одинокая звезда, луна - месяц, тишина, ночь, заря, метель, дым, туман, курган в степи, море, гроза, поле, степь, заброшенность, запустение, сон, ветер и др., а также автобиографемы-эмоции (острое ощущение ярких синестетических образов и «оксюморонность»), автобиографемы-топосы (церковь, дорога), автобиографемы-события (любовь, смерть, охота и др.), некоторые автобиографемы-концепты: одиночество, музыка, тайна. Очевидно, что в ранней лирике Бунина эти автобиографемы не достигают той степени мемориальной концептуализации, как в «Жизни Арсеньева», не связываются с категорией памяти и не становятся еще устойчивыми символами.

Дальнейшая логика разветвления и эволюции автобиографического авантекста такова: каждая автобиографема, появившаяся и закрепившаяся в ранней лирике, получает более развернутый образ в ранних рассказах («Святые горы», «Туман», «Перевал», «На край света», «Сосны», «Новая дорога», «На хуторе» и др.), где автобиографемы-детали и эмоции уже не представлены в единой лирической стихии, а скреплены автобиографемой-топосом в определенную конфигурацию, что в конечном итоге приводит к формированию устойчивых автобиографем-концептов, «индикатором» которых становится, как правило, финал рассказа - тех концептов, которые впоследствии составят основу мемориального орнамента «Жизни Арсеньева». Именно в этот период в творчестве Бунина происходит *первая мемориальная концептуализация*, связанная с двумя ключевыми автобиографическими претекстами - рассказами «Антоновские яблоки» и «У истока дней». «Антоновские яблоки» приобретают в творчестве Бунина статус порождающего центона. Здесь впервые собраны воедино намеченные в раннем творчестве основные автобиографемы, которые потом «прорастут» в других текстах и заново, уже в новой конфигурации, будут «собраны» в «Жизни Арсеньева», и начинают откristаллизовываться основные константы бунинской поэтики, намечаются практически все основные темы, которые «прорастут» потом в его

зрелой прозе - и в «Деревне», и в «Жизни Арсеньева», и в «Темных аллеях». Связь рассказа «У истока дней» с «Жизнью Арсеньева» очевидна и налицо очевидное мотивное сходство - присутствие в рассказе ключевых бунинских автобиографем разного уровня: здесь «проигрываются» два важнейших события «Жизни Арсеньева» (стадия зеркала и смерть сестры Нади) в ситуации первого воспоминания появляются герои, которые потом предстанут в «Жизни Арсеньева» (мать, нянька, домашний учитель, сестра Надя). Кроме того, в рассказе решаются важные для автобиографического дискурса Бунина проблемы соотношения реальности и памяти (и соответственно границ памяти) и возможность проникнуть сознанием в тайну прошлого бытия и смерти, а также возникают две важные мемориальные идентификации: «воспоминание - отражение» и «воспоминание - творчество». В рассказе воспроизводится некий феноменологический предэксперимент, цель которого в результате манипуляций героя с зеркалом - установить, существует ли реальность вне апперцепции или лишь благодаря интенциональности сознания она становится таковой. Эти зеркальные эксперименты утверждают очень важный для бунинской концепции памяти и реальности принцип: бессмысленно пытаться познать и разгадать тайну мира, тайну самого себя и тайну памяти - именно в ее принципиальной непостижимости и неинтерпретируемости и заключается ее высший смысл.

Следующий этап формирования бунинского автобиографического метатекста - сюжетная реализация, *нарративное развертывание ключевых автобиографем* в различных тематических группах бунинских произведений. Так, концепт древности / вечности реализуется в цикле путевых поэм «Тень птицы», где в полной мере проявляется бунинский дар постижения прошлого и ощущения своего кровного родства со Всебытием; концепт «живая жизнь» находит отражение в рассказах «Господин из Сан-Франциско», «Легкое дыхание», «Чаша жизни», «Божье дерево», где представлена художественная модель органического самоценного существования, которая впоследствии будет воспринята героем «Жизни Арсеньева»: от «простых людей» в «Господине из Сан-Франциско» и «легкого дыхания» Оли Мещерской как органической составляющей жизненной стихии - до пародийных вариаций на эту тему в «жизненной философии» Горизонтова из «Чаши жизни»; событийная автобиографема любви реализуется уже в более поздних эмигрантских произведениях «Митина любовь» и «Дело корнета Елагина», «деревенская» тема, намеченная в «Антоновских яблоках», как уже ранее упоминалось, нашла отражение в повести «Деревня» и т.д. *Вторая мемориальная концептуализация*, происходящая в автобиографическом метатексте Бунина на этом этапе, реализуется в повести «Суходол» и рассказе «Сны Чанга». «Суходол» реализует важнейший принцип бунинского автобиографического дискурса - *memini ergo sum* (в настоящем Суходол уже не существует, но он позиционируется как реальная данность, поскольку все герои помнят его и он определяет их судьбу и внутренний мир), субъект мнемонической деятельности здесь не единичен, это полимемориальное пространство, где каждый суходолец ощущает над собой власть воспоминаний, и память предстает здесь как трансперсональная сущность, укорененная во Всебытии и одинаково проявляющаяся в каждом человеке. В «Суходоле» реализуется идентификация сон/воспоминание и реальность памяти утверждается как единственная и онтологически незыблемая достоверность. В рассказе «Сны Чанга» отрабатывается мнемоническая модель хронологического реверса, воспоминание утверждается как особое онейрическое состояние, задаются идентификации воспоминание - сон, воспоминание - музыка.

В начале эмигрантского периода творчества Бунина наступает следующий этап формирования автобиографического метатекста, когда нарративное развертывание как событийных, так и концептуальных автобиографем резко локализуется и достигает *высокой степени мемориальной концептуализации в небольших рассказах*, где формулируются идеи, важные и для бунинской концепции памяти, и для осознания его автобиографической стратегии письма. В рассказе «Надписи» (1924) утверждается мысль о письме, тексте как способе сохранить себя в мире. В рассказе «Книга» (1924) утверждается идея неразличимости жизни и творчества и осознается условность традиционного письма как неспособного передать всю сложность человеческой жизни. В рассказе «Музыка» (1924) определяется статус подлинно творческого субъекта, способного воплотить непостижимое в музыку, растворяясь в вечности Всебытия. Наконец, непосредственным автобиографическим претекстом «Жизни Арсеньева», самым близким по времени написания, является рассказ «Ночь», где представлен синтез всех важнейших бунинских автобиографем в «чисто бунинской» экзистенциальной ситуации: великий храм ночи, усыпанный галькой сад, бездонность неба, переполненная разноцветными звездами, бледное млечно-зеркальное море, тишина, бесконечное одиночество героя в полночном безмолвии, музыка колдовски звенящих мириад хрустальных источников. В рассказе производятся попытки определить границы собственного Я и границы памяти, утверждается власть Прапамяти, разрешается вопрос об идеальном типе Номо темог и окончательно дискредитируется повествовательная дифференциация «текста памяти» за счет утверждения феноменологического характера памяти и статуса реальности как проекции сознания Номо темог. Через два года - в романе «Жизнь Арсеньева» - память уже становится первичной априорной порождающей инстанцией.

Таким образом, в предшествующем «Жизни Арсеньева» бунинском творчестве представлен генезис его автобиографического метатекста, формирование модели автобиографической поэтики как на уровне семантического наполнения категории памяти, так и в плане принципов автобиографического письма. В этом смысле если понимать метатекст как текст «второго порядка», называющий и комментирующий приемы и смысл первичного текста, то, с одной стороны, автобиографический авантест выполняет эту функцию по отношению к «Жизни Арсеньева», напрямую объясняя и комментируя те принципы, которые лежат в основе автобиографической поэтики романа, но, с другой стороны, и «Жизнь Арсеньева» по отношению к предшествующему творчеству выполняет функции метатекста, задавая мемориальный ракурс его реинтерпретации. Сформировавшаяся в ранней лирике Бунина система автобиографем как дискретная множественность, мотивированная и

соединенная воедино лишь предпочтениями лирического субъекта, сначала синтезируется в первичный «мемориальный орнамент» в «Антоновских яблоках», затем расходится, сюжетно развертывается, получает дополнительные ответвления, образует ряд устойчивых концептуальных сцеплений - и затем заново соединяется: сначала в рассказе «Ночь», в финале которого все стягивается в мемориальном фокусе, а через два года - в романе «Жизнь Арсеньева», в котором память уже становится первичной априорной порождающей инстанцией (заметим, что многие рассказы-миниатюры, создаваемые одновременно с «Жизнью Арсеньева» в 1927 - 1930-х гг. - «Ландо», «Обреченный дом», «Красные фонари», «Журавли», «Полдень», «Бродяга», «Канун», «Портрет» и особенно «Муравский шлях» - могут быть восприняты как интертекстуальное целое с романом и органично дополнить прозаические наброски в тетради героя «Алексей Арсеньев. Записи»). По сути, именно «Жизнь Арсеньева» становится высшей точкой автобиографического метатекста Бунина, поскольку окончательно синтезирует «жить» и «писать», транспонируя технологии автобиографического письма в единственный аутентичный материал - собственную авторскую биографию.

Список использованной литературы

1. Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6-ти т. - М., 1987-1988.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТАКТИЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ С ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРОЙ ЧЕЛОВЕКА

Борейко Т. С.

Омский государственный педагогический университет

Осязание - один из основных видов отражения человеком объективной действительности. Кожа реагирует на физические свойства окружающих нас объектов, через неё мы получаем информацию о том, с чем она вступает в непосредственный контакт. Сферу употребления касаний образуют чрезвычайно разные по своему характеру ситуации общения, от повседневных бытовых до ритуальных и магических. Мы чувствуем, любим и ненавидим, прикасаясь к другим и ощущая прикосновения других. Г. И Крейдлин выделяет следующие функции касания в акте коммуникации: выражение дружбы, участия или заботы по отношению к адресату жеста, отношение интимного отношения к адресату, в частности сексуально интимного, установление контакта между жестикулирующим и адресатом и др. [Крейдлин 2004: 416].

Эмоции непосредственным образом влияют на процесс восприятия. Прикосновение может выступать как узатором улучшения физического состояния, уменьшения боли: *У Ивана умирала жена. Нагибаясь, Иван целовал её, гладил ей руки. Откинувшись на подушки, княгиня улыбалась, полузакрыв глаза. Ей было хорошо. Боли, что мучили, не давая спать по ночам, уходили, затихали от медленных поглаживаний Ивана* (Балашов).

Людям, находящимся в тревожном или взволнованном состоянии, необходимо участие, утешение, поддержка, поэтому они нуждаются в том, чтобы их больше касались и тем самым выражали участие. При объятии возрастает количество эндорфинов, которые снижают боль и вызывают чувство эйфории. Врач и психолог Э. Монтегю в книге «Прикосновения: Значение кожи для жизни человека» приходит к выводу, что существует зона мозга, которая активно работает в ответ на прикосновение к коже человека. Если ребёнок обнимают недостаточно, то атрофируется часть мозга и страдает его иммунная система [Крейдлин 2004: 413]. *Тома украдкой гладила глянецвитые, и мохнатенькие, и сухие, как старая бумага, и игольчатые листья кустарников, охраняющих дорожки Ботанического сада, и пальца её наполнялись неведомой прежде радостью. Недоласканная в младенчестве, не знающая любовного прикосновения в детстве, и теперь, обеспеченная всеми необходимыми вещами, она была по-прежнему лишена **любовного прикосновения**, без которого всё живое страдает, болеет, хиреет... Может быть, и её малый рост объяснялся тем, что трудно расти без любовного прикосновения, как без какого-то специального неведомого витамина* (Л. Улицкая). Многообразие телесного и словесного общения ребёнка с матерью имеет важное значение для всей будущей жизни.

Автор статьи «Чёрный мокрый психотерапевт исцелит измученные души» рассуждает о благотворном действии дельфинотерапии на детей с задержками развития: *Такие дети очень часто не находят общего языка даже с мамой, очень страдают от нехватки ласки, тактильного контакта. Дельфин приятен на ощупь, при телесном контакте с ним у человека резко активизируется и иммунная система, и деятельность головного мозга* (газ. «Комок»).

В русском языке существует множество высказываний, сообщающих о тактильном восприятии индивидом окружающего мира. Среди большого разнообразия предикатной лексики, участвующей в описании ситуации тактильного восприятия, можно выделить лексико-семантическую группу воздействия на субъект тактильного восприятия, которая представлена следующими глаголами и глагольными сочетаниями: *привыкнуть, хранить ощущение, пережить ещё раз, притупить, успокоить, тревожить, волновать, пьянить*. Приведём примеры с предикатами данной группы.

Человек может хранить в памяти определённые тактильные ощущения. Тактильная память - способность запоминать ощущения от прикосновения к различным предметам: *Он стал быстро бросать в чемодан все те мелкие, чем-то милые предметы, к которым глаза и пальцы так привыкают, и которые нужны для*